

Синяк Л. В.

соискатель

ДИПЛОМАТИЯ ЕКАТЕРИНЫ II ПОСЛЕ ПЕРВОГО РАЗДЕЛА РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

Разделы Речи Посполитой были обусловлены комплексом внешних и внутренних факторов, значительную роль среди которых сыграл длительный и сложный процесс формирования геополитических структур в Центральной и Восточной Европе. Первый раздел Речи Посполитой принес осуществившим его державам различные, но такие значительные политические, экономические выгоды и преимущества, что дальнейшее осуществление политики разделов Речи Посполитой было всего лишь делом времени и благоприятного стечения обстоятельств.

«После первого раздела история дала Польше пятнадцать лет отдыха, мира», — констатировал С. М. Соловьев [10, с. 331]. Согласно Петербургским конвенциям 1772 г. три державы — Россия, Австрия и Пруссия — предоставили Польше формальные гарантии нерушимости ее границ. Кроме того, Россия в 1775 г. была объявлена гарантом фундаментальных польских законов и государственного устройства.

С. М. Соловьев, подводя противоречивые итоги польских реформ периода между первым и вторым разделом Речи Посполитой и констатируя их поверхностность, сделал вывод: «Пораженное неизлечимой болезнью общественное тело способно было только к судорожному предсмертному движению» [10, с. 335]. Однако благодаря, прежде всего, серьезным успехам в сфере образования важнейшим результатом реформ стал рост национального самосознания, по существу предопределивший характер дальнейшего развития событий в Польше [11, с. 178].

До начала войны 1787—1791 гг. между Россией и Турцией планы Екатерины II в отношении Речи Посполитой сводились к поддержанию там статус-кво, отвечавшего ближайшим интересам России. В разработанной Г. А. Потемкиным и нашедшей поддержку у Екатерины II «новой восточной политике» Польше отводилась роль естественного и активного союзника России в ее стремлении закрепиться на берегах Черного моря. В этой связи Г. А. Потемкин считал, что «постоянным принципом русской политики в Центральной Европе должно быть поддержание равновесия сил между двумя германскими государствами и создание препятствий для усиления одного из них» [4, с. 15]. Вместе с тем, и осенью 1779 г., и позднее, в конце 80-х гг. он неоднократно высказывался в пользу нового раздела Речи Посполитой, рассматривая его как средство нейтрализации противодействия Пруссии и Австрии политике России на черноморско-балканском направлении.

Политика Пруссии в отношении Польши формировалась с конца 70-х гг. под возраставшим влиянием первого министра прусского правительства Э. Ф. Герцберга. Уже в 1778 г. он сформулировал свой план, имевший целью «исправить ошибки», допущенные Фридрихом II во время первого раздела Речи Посполитой.

После смерти Фридриха II в 1786 г. и перехода прусского трона Фридриху-Вильгельму II Э. Ф. Герцберг счел ситуацию благоприятной для развития и уточнения своего плана. Его новая редакция включала следующие идеи: 1) Порта должна была уступить Австрии Валахию и Молдавию, а России — Бессарабию и Очаков (при условии отказа России от Крыма); в обмен на это Пруссия и ее союзники были готовы гарантировать Турции ее владения к югу от Дуная; 2) Австрия возвращала Галицию Польше; 3) в знак признательности Польше надлежало передать Пруссии Данциг, Торн и палатинаты Познань и Калиш [11, с. 182].

К началу 80-х гг. XVIII в. произошла замена союзников России. Пруссия, выполнявшая эту роль с 60-х гг., оказалась ненадежным и даже коварным союзником. Трудно не согласиться с С. М. Соловьевым, связывавшим русско-пруссский антагонизм конца 80-х — начала 90-х гг. с политикой Фридриха II в эпоху первого раздела, сделавшей Екатерину «орудием для достижения чужих целей, целей государя, которого она считала своим верным союзником» [10, с. 611].

Кроме того, внесения существенных корректив во внешнеполитический курс России требовала ситуация второй половины 70-х гг., характеризовавшаяся непрекращавшимися попытками Османской империи вернуть Крым в сферу своего влияния. Это и предопределило смену союза с

Пруссией тесными стратегическими отношениями с Австрией на базе совместной заинтересованности в разрешении восточного вопроса.

Австро-российский союзный договор был заключен в форме обмена Иосифом II и Екатериной II личными письмами от 21 и 24 мая 1781 г. Союзники дали взаимное обязательство в случае нападения на одного из них Османской империи выставить равное количество войск. Несмотря на абсолютную конфиденциальность достигнутых договоренностей, антитурецкая подоплека российско-австрийского союза не составляла секрета для ведущих политиков Европы.

С установлением союзнических отношений с Австрией у Екатерины II возник внешнеполитический план, получивший название «Греческого проекта». Он предусматривал изгнание Османской империи из Европы путем создания из ее владений (Бессарабии, Молдавии, Валахии) буферного государства Дакии во главе с внуком Екатерины II Константином. Смысл существования Дакии состоял в том, чтобы лишить Россию, Австрию и Османскую империю общих границ. При этом было подчеркнуто, что Россия не претендует на это буферное государство и стремится лишь присоединить крепость Очаков на Днестровском лимане и полосу земли между реками Буг и Днестр (иными словами, речь фактически шла о тех приобретениях, которые Россия получила по Ясскому миру, завершившему войну России с Турцией 1788—1791 гг.).

Австрия не возражала против проекта, рассчитывая на округление своих владений за счет османских земель. Но ее территориальные притязания были

непомерны: город Хотин для прикрытия Галиции и Буковины, часть Валахии, Северная Сербия с Белградом, часть Боснии и Герцеговины, дававшая Австрии выход к Адриатическому морю, и даже венецианские владения Истрия и Далмация (с компенсацией Венеции за счет полуострова Морея, островов Кипр, Крит и ряда других из Греческого архипелага) [1, с. 126]. План создания Дакии остался только на бумаге.

Между тем Османская империя, хотя и признала в 1784 г. присоединение Крыма к России, интенсивно готовилась к войне с ней. Воинственные настроения Турции разжигали Англия и Пруссия, намереваясь извлечь из конфликта собственные выгоды: Англия стремилась изгнать Россию с берегов Черного моря, поскольку основание черноморских портов могло лишить английских купцов выгод, которые они извлекали из слабости торгового флота России на Балтике; Фридрих II подстрекал Османский двор к войне с Россией, руководствуясь видами на очередной раздел Речи Посполитой, так как знал, что Россия, вовлеченная в войну, не в состоянии будет противодействовать его планам. Франция тоже оказывала помощь Османской империи в подготовке к войне.

К осени 1786 г. российско-турецкие отношения настолько обострились, что Екатерина II утвердила представленный ранее Г. А. Потемкиным план военных действий с Портой и поручила ему «главное начальство над армиею».

Накануне войны с Турцией 1787—1791 гг. особое значение для российской дипломатии вновь приобрел польский вопрос. От того, чью сторону (России или ее противников) примет Речь Посполитая, позволит ли она использовать свою территорию и крепости на границе с Турцией российским войскам, зависели как ход войны, так и, в конечном счете, расстановка сил в Европе [4, с. 188].

На галере возле Канева 6 мая 1787 г. состоялась встреча Екатерины II со Станиславом Августом. Идея короля о заключении российско-польского оборонительного союза была одобрена Екатериной II после некоторых колебаний, так как король пытался увязать его с согласием России на проведение реформ в Речи Посполитой, а также в связи с возможной негативной реакцией Вены и Берлина. Подписание такого союза было отложено до предстоящего в 1788 г. очередного сейма [2, с. 775].

В конце июля 1787 г. султанский двор в ультимативной форме потребовал от России признания своих прав на Грузию и допуска османских консулов в Крым. И, не дождавшись ответа на ультиматум, Османская империя открыла военные действия нападением на Кинбурн.

Через две недели после объявления Турцией войны России Екатерина II, на этот раз по своей инициативе, вернулась к предложению Станислава Августа о подписании российско-польского оборонительного договора. Польский проект союзного договора состоял из 11 статей и двух сепаратных артикулов [9, с. 40]. Достоверно известно, что в процессе обсуждения польского проекта активное участие принял Г. А. Потемкин, с весны 1787 г. отстаивавший необходимость налаживания военного взаимодействия с Польшей в борьбе против Турции. Потемкин, в отличие от императрицы, с большим пониманием относился к реформаторским идеям Станислава Августа, считая, что «счастливая анархия» в Польше более выгодна ее германским соседям, чем России.

Российский контрпроект союзного договора был утвержден Екатериной II 12 мая 1788 г. Контрпроект состоял из 11 статей, без сепаратных артикулов [11, с. 641]. Послу России в Варшаве О. М. Штакельбергу обращалось внимание на неприемлемость статьи 10 польского проекта (об изменении польского государственного строя) и второй сепаратной статьи (о территориальной компенсации Польше в случае войны с Турцией), последнее объяснялось стремлением избавить республику от «каких-либо умыслов со стороны берлинского двора сделать новые приобретения за счет Польши» [6, с. 162]. Екатерина II согласилась, чтобы российско-польский союз был проведен через сконфедерированный сейм (на нем не существовало право *liberum veto*).

Переговоры о союзе между Россией и Речью Посполитой, проходившие секретно, стали известны в Варшаве. К тому же с осени 1787 г. свои контакты с оппозицией активизировал прусский посланник в Варшаве Бухгольц. Они были направлены на срыв российско-польского союза [7, с. 133]. Деятельность пропрусской партии особенно активизировалась в августе 1788 г. после подписания союзного договора между Англией, Пруссией и Голландией, острое которого было направлено против России и Австрии. Оппозиция убеждала поляков в неизбежном расширении коалиции за счет присоединения к ней Османской империи, Швеции и ряда немецких князей. Эти аргументы приобрели особое значение после того, как Швеция летом 1788 г. без объявления войны напала на Россию. Сторонники пропрусской ориентации в Варшаве были уверены, что Россия в союзе с Австрией не сможет победить турок, которых «поддерживала вся Европа».

В Берлине российский проект вызвал взрыв возмущения. Э. Ф. Герцберг ясно понимал, что подключение Речи Посполитой к союзу России и Австрии вело к срыву его планов в отношении Данцига. Прусская политика приняла открытый антироссийский характер. Усилиями прусской и английской дипломатии была заблокирована попытка Дании выполнить свои дипломатические обязательства перед Россией после начала войны со Швецией 1788 г. Кроме того, Пруссия довела до сведения всех сенаторов и депутатов сейма, что она будет решительно противиться заключению российско-польского союзного договора.

Польский сейм начал свою работу в Варшаве 13 октября 1788 г. На его первом же заседании прусский посланник огласил ноту, в которой выражался резкий протест Пруссии против проекта договора [5, с. 316]. В ней содержалось заявление о готовности Пруссии гарантировать независимость и территориальную целостность Речи Посполитой.

Под давлением Пруссии осенью 1788 г. Россия была вынуждена отказаться от уже практически согласованного союзного договора с Речью Посполитой.

В критические дни осени 1788 — весны 1789 г. углубились расхождения между Г. А. Потемкиным и Екатериной II по польским делам. Потемкин весной 1789 г. выступал за восстановление скоординированной политики России и Пруссии по отношению к Речи Посполитой [11, с. 216]. Екатерина II не исключала даже войны против Пруссии, нежели принять условия, которые пытались диктовать ей в Берлине и Лондоне. Хотя, уступив настойчивым притязаниям Пруссии на Данциг, можно было реально рассчитывать на нейтрализацию складывавшейся против России европейской коалиции.

В этих непростых условиях Екатерина II проявила присущую ей твердость. Начавшиеся разговоры о новом разделе Речи Посполитой прекратились. Австрийский союзник был успокоен после того, как в мае 1789 г. российско-австрийский союз был продлен еще на восемь лет новым обменом письмами между Иосифом II и Екатериной II.

Генезис формирования позиции России в отношении второго и третьего разделов Польши трудно понять без анализа деятельности в Берлине в 1788—1795 гг. российского дипломата М. М. Алопеуса. Важность его миссии в Берлине, носившей до 1791 г. неофициальный характер, была предопределена тем, что он выступал в качестве личного представителя Екатерины II, фактически обеспечивая прямой канал связи императрицы с прусским королем Фридрихом Вильгельмом II.

В беседе с М. М. Алопеусом 12 (23) июня 1789 г. король выделил, как и в 1788 г., две болевые точки российско-пруссских отношений: оставленные без ответа его предложения о возобновлении союзного договора с Россией и о прусско-английском посредничестве в деле примирения России и Швеции [11, с. 590]. Нужно принять во внимание, что вопрос о Данциге и Торне, единственный по-настоящему интересовавший прусского короля, неизменно выводился из круга обсуждаемых вопросов. Все это не могло способствовать нормализации российско-пруссских отношений.

10 декабря 1789 г. Фридрих Вильгельм II распорядился начать переговоры с Речью Посполитой о заключении союзного договора. На предложение Станислава Августа об одновременном подписании союзного договора и коммерческого трактата Пруссия потребовала передачи Данцига и Торна, что обнажило далеко не бескорыстную подоплеку дружественных заявлений, которые звучали из Берлина.

Но перед лицом массового нарастания антипруссских настроений в Польше Э. Ф. Герцберг счел за лучшее временно отказаться от немедленной реализации своего плана. 29 марта 1790 г. прусско-польский союзный трактат был подписан. Тем не менее в его текст была внесена оговорка о «возможных территориальных уступках в будущем по обоюдному соглашению». Статья VI договора предусматривала, что в «случае вмешательства России в дела Польской Республики или зависящих от нее территорий (имелась в виду Курляндия)» Пруссия брала на себя обязательства оказать добрые услуги в мирном урегулировании возникших проблем, а в случае их неудачи — военную помощь Польше [1, с. 130].

Тем не менее, польско-пруссский договор, как и заключенный за три месяца до этого, 31 января 1790 г., союзный договор Пруссии с Османской империей, не способствовали осуществлению «плана Герцберга». Таким образом, наиболее благоприятный момент для его реализации, имевшийся во второй половине 1789 г., был упущен. Фридрих Вильгельм II, ожидавший восстания в Бельгии, Венгрии и Галиции, так и не рискнул устроить в начале осени 1789 г. военную демонстрацию в Силезии, на которой настаивал Э. Ф. Герцберг и которая поставила бы Россию и Австрию в исключительно трудное положение [5, с. 376]. Не оправдались и надежды первого министра Пруссии и польской «патриотической партии» на то, что прусско-польский и прусско-турецкий союзные договоры стимулируют формирование широкой европейской коалиции против России. После взятия российской армией Измаила в

декабре 1789 г., начала англо-испанской войны в мае 1790 г. и, наконец, заключения в августе 1790 г. Верельского мирного договора между Россией и Швецией вынашивавшиеся в Берлине планы международной изоляции России рухнули.

5 апреля 1790 г. Екатерина II одобрила указ об отзыве О. М. Штакельберга из Польши. Я. И. Булгаков прибыл в Варшаву в сентябре 1790 г. Задачи, поставленные перед ним, во многом предопределялись глубокими изменениями политической ситуации в Европе, произошедшими в первой половине 1790 г. С одной стороны, международные позиции России укрепились после подписания Верельского мира со Швецией. С другой стороны, Леопольд II, ставший австрийским императором после смерти Иосифа II, взял курс на заключение мира с Турцией и предотвращение военного конфликта с Пруссией, чтобы заняться обострившимися внутренними проблемами Австрии, вызванными несвоевременными реформами его предшественника.

В июне — июле 1790 г. состоялась конференция Австрии, Пруссии, Великобритании и Голландии для улаживания ссоры между первыми двумя. В Раушенбахе австрийские представители были готовы согласиться на прусские предложения о возвращении Польше большей части Галиции в обмен на присоединение к Австрии турецкой Хорватии и части Сербии, но с условием срытия Белградской крепости. Однако заявленные прусскими представителями в ходе конференции претензии на приобретение Данцига, Торна и земель между реками Нетцой и Вартой вызвали резкий протест английских посредников, не желавшими оказаться причастными к разделу Речи Посполитой или Турции. О решительном несогласии с уступками Данцига и Торна Пруссии заявили и в Варшаве. В результате 27 июля 1790 г. в Раушенбахе было достигнуто соглашение о немедленном перемирии между Австрией и Турцией на условиях строгого *status quo ante* и начале австро-турецких переговоров при посредничестве и гарантиях со стороны Англии, Пруссии и Голландии. Одновременно государства Тройственного союза обещали помощь Леопольду II в подавлении волнений в Австрийских Нидерландах. Австрия, в свою очередь, обязалась не оказывать никакого содействия России в случае продолжения ею войны с Османской империей.

Неудовлетворительные для Пруссии итоги Раушенбахской конференции не заставили Э. Ф. Герцберга изменить своего намерения добиться прусско-английского посредничества в мирных переговорах с турками. В ходе беседы Э. Ф. Герцберга с М. М. Алопеусом он прямо сказал, что Пруссия могла бы согласиться на передачу России Очакова и сохранение Крыма в случае, если в Петербурге «согласились бы взять на себя абсолютно секретные обязательства не противиться тому, чтобы Польша передала Данциг и Торн Пруссии», оговорившись, правда, что «речь ни в коем случае не идет о том, чтобы приобрести эти территории силой, но только путем переговоров» [3, с. 117]. Но после того, как мир со Швецией был заключен без посредников, было бы наивно ожидать, что императрица уступит диктату Берлина и Лондона.

В то время как внимание Екатерины II было сосредоточено на противодействии проiscaм Пруссии, не менее серьезная опасность созревала со стороны Англии. Поскольку Россия отказалась в 1786 г. продлить российско-английский торговый договор, предусматривавший традиционные привилегии английских купцов, правительство Питта-младшего намеревалось пере-

ориентировать английскую торговлю с России на Польшу. Ситуацию усугубляло и то, что в том же году Россия подписала подобный трактат с Францией. В ходе переговоров с польским посланником в Голландии в ноябре 1790 г. Питт убеждал его в выгодности передачи Данцига и Торна Пруссии в обмен на союзный трактат и торговый договор с Берлином. Серьезным фактором, влиявшим на формирование английской внешней политики, стала в этот период и политическая ориентированность правительства Питта, провозгласившего себя защитником малых стран Европы от амбиций великих держав.

22 марта в Лондоне и 7 апреля 1791 г. в Берлине было принято решение о предъявлении России ультиматума. Предложение «разменять» Очаков на Данциг и Торн было с негодованием отвергнуто Екатериной II [7, л. 146].

С 1789 г. развитие польского вопроса происходило под возрастающим воздействием нового фактора у набиравшей силы революции во Франции. Воздействие это имело неоднозначный характер и сложную динамику. С одной стороны, несомненно влияние французских революционных идей на радикализацию позиций польских патриотов. С другой стороны, события революции 1789 г., запустив механизм монархической солидарности, лишь на время отвлекли внимание Пруссии, Австрии, затем и России от польского вопроса.

В этих условиях опасность нового расчленения Речи Посполитой стала вторым по значению после Великой французской революции 1789 г. фактором, обусловившим важнейшее событие в польской истории — принятие Четырехлетним сеймом конституции 3 мая 1791 г. [5, с. 409].

Эта конституция предусматривала радикальную модернизацию государственно-политического строя Речи Посполитой путем ликвидации таких феодальных анахронизмов, как *liberum veto*, право создания конфедерации, выборность короля. Польша объявлялась наследственной монархией с передачей трона (после смерти Станислава) в наследственное владение курфюрсту Саксонскому. Принятие конституции 3 мая убедительно продемонстрировало волю польского народа к национальному возрождению.

Укрепление польской государственности противоречило интересам Пруссии, Австрии и России. В самой Речи Посполитой некоторые магнаты и шляхта также воспротивились усилению королевской власти. Таким образом, создались условия для нового раздела Речи Посполитой.

Речь Посполитая, оказывавшая большое влияние на события в Восточной Европе и Балтике в XV—XVIII вв., стала заложницей и одновременно «частным случаем» крупномасштабной геополитической игры. Для Пруссии она определялась не только жизненно важной задачей объединения Восточной Пруссии и Бранденбурга, но установлением контроля за торговлей по Одере и Висле с соответствующим усилением позиций на Балтике. Для Австрийской империи, чьи владения были разбросаны по различным районам Европы, речь шла, с одной стороны, о формировании компактных, защитимых границ (отсюда и идея обмена Австрийских Нидерландов на Баварию накануне второго раздела), а с другого и о выходе в Адриатику путем поглощения находившихся под властью Османской империи Боснии и Герцеговины и части Венецианских владений (в этом состоял для Вены смысл знаменитого Греческого проекта, обсуждавшегося Екатериной II и Иосифом II в 1781—1782 гг.).

Приоритеты России сводились к выходу и закреплению на берегах Черного моря. Эти задачи были частично решены в ходе первой (1768—1774 гг.) и второй (1787—1792 гг.) российско-турецких войн. Особое значение имело присоединение Крыма в 1783 г. Речь Посполитая не являлась для России главным объектом своей политики. Екатерина II хотела бы превратить формально независимую Речь Посполитую в «буфер», чтобы обеспечить спокойствие на западных рубежах империи и обрести свободу действий на юге. Однако в предельно сложной международной обстановке конца 80-х гг. XVIII в., когда Россия оказалась на волосок от противоборства с коалицией Великобритании, Швеции, Пруссии, Польши и Турции, события приняли другой оборот.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов В. Н.* Дипломатия Екатерины Великой // Новая и новейшая история. 2001. № 4.
2. *Екатерина II и Г. А. Потемкин.* Личная переписка. 1769—1791 / Под ред. В. С. Лопатина. М., 1997.
3. *Екатерина II и ее окружение.* М., 1996.
4. *Елисеева О. И.* Геополитические проекты Г. А. Потемкина. М., 2000.
5. *История внешней политики России. Конец XV — начало 1917 г. / Т. 2. XVIII в.: От Северной войны до войн России против Наполеона.* М., 1998.
6. *Кондзеля Л., Цегельский Т.* «Концерт Трех Черных Орлов» (Споры о разделе Польши) // *Историки отвечают на вопросы.* Вып. 2. М., 1990.
7. *Костомаров Н. И.* Старый спор. Последние годы Речи Посполитой. М., 1994.

8. *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными государствами. Т. 6. Трактаты с Германиею. 1762 — 1808. Спб., 1883.
9. *Сковронек Е.* Удары с трех сторон. Разделы Польши как составная часть европейской истории (1772—1793—1795) // *Родина*. 1994. № 12.
10. *Соловьев С. М.* История падения Польши. Избранные произведения. Т. 2. Ростов н/Д, 1997.
11. *Стегний П. В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. М., 2002.